

В. Е. ДОБРОВОЛЬСКАЯ
(Москва)

**«БЕДНЫЙ ПАВЕЛ»:
ИСТОРИЧЕСКИЕ АНЕКДОТЫ
И ГОРОДСКИЕ ЛЕГЕНДЫ
ОБ ИМПЕРАТОРЕ ПАВЛЕ I**

***Аннотация.** Статья посвящена изображению императора Павла I в исторических анекдотах и городских легендах. Из мемуаров, дневников и эпистолярных источников ясно, что в сознании его современников Павел был наделен и положительными, и отрицательными особенностями, однако преобладало мнение о нем как жестоком самодуре и эгоисте. Это было основанием для создания стереотипа Павла, отраженного и в русской литературе. В статье сделана попытка проследить причины господства этого стереотипа.*

***Ключевые слова:** фольклор, исторические анекдоты, городские легенды, Павел I.*

Исторические лица в фольклоре всегда привлекали внимание исследователей. Безусловно, история в фольклоре — это «эпическая модель истории» [Путилов 1970, 15], и механизмы, которые участвуют в ее формировании, недостаточно изучены. Нельзя с уверенностью сказать, почему то или иное историческое лицо было отобрано фольклором. Действительно, реальных исторических лиц в фольклорных текстах не так уж и много: Илья Муромец, Никита Романович, Ермак, Пугачев, Разин, Суворов, атаман Платов и некоторые другие. Русские правители представлены и вовсе единичными примерами. Это Владимир Красно Солнышко, Иван Грозный и Петр I. Помимо них в топонимических преданиях часто появляются образы двух царей: Екатерины I и Екатерины II, причем исполнители обычно не разделяют этих царственных особ, и можно только догадываться, кого имеет в виду рассказчик: «Царица Катерина ехала на Аляску. Здесь сейчас дорога идет, а по бокам-то, видите, куветки. Это

было при ней. Насажены были березы. Некоторые еще есть березы, так и зовут “катерининские”» [Судогда 1999, 217, № 72]. В песнях «Александр I обвиняет Наполеона», «Наполеон пишет письмо Александру», «Кипел, горел пожар московский...», «Донцы-молодцы», «Наполеон-то, Наполеон...» появляется Александр I. Этот же государь становится героем фольклорных нарративов о Федоре Кузьмиче [Иванова 2012, 198—201]. Наконец, в фольклоре прицерковной среды появляются образы Александра II и Николая II — царей-мучеников, жертв и вестников грядущих несчастий России [Тарабукина 2000].

Иногда героями сказок, преданий и легенд становились правители советского периода [Плясковский 1930], хотя большинство подобных текстов вряд ли бытовали в народной среде. Однако многие правители России были героями таких фольклорных жанров, как анекдоты, частушки, городские легенды и т. п. Больше всего «повезло» руководителям советского государства: практически все они стали героями анекдотов и частушек [Мельниченко 2006].

Большинство представителей династии Романовых стали героями исторических анекдотов и слухов, которые циркулировали преимущественно в высших слоях общества и поэтому известны нам по письмам, мемуарам, дневникам своих современников.

Одним из немногих исключений в этом отношении был император Павел I. С его недолгим царствованием связано не только множество анекдотов, активно бытовавших в дворянской среде, но и множество фольклорных нарративов самого разного характера, распространенных прежде всего в городских слоях общества.

С. В. Шумигорский в книге о царствовании Павла Петровича заметил, что «у нас нет даже краткого, фактического обзора павловского периода русской истории: анекдот в этом случае оттеснил историю» [Шумигорский 1907, 3]. В наше время существует немало исторических исследований об этом периоде, но и в них из одного в другое переходят одни и те же анекдотические

тексты. А между тем в воспоминаниях его современников фигура Павла совсем не так однозначна. В значительном массиве исторических анекдотов о Павле Петровиче четко прослеживаются две линии. Первая представляет императора глупым, мнительным самодуром, разрушающим своими прихотями государство. Их существенно больше, чем текстов второй группы, в которых Павел представлен умным, порядочным, веселым человеком. Он способен оценить находчивость подчиненных: «Покойный сенатор (П. А.) Обресков был при императоре Павле в качестве статс-секретаря и сопровождал императора в Казань. Там впал он в немилость и несколько дней не смел показываться на глаза императору. Наконец в какой-то торжественный день он должен был явиться во дворец. Приезжает и выбирает себе местечко в толпе, чтоб не выказаться императору. Между тем подносят кофе. Лакей, заметив Обрескова, протесняется к нему с подносом и открывает его императору, который видит его. Обресков отказывается от кофе. “Отчего ты не хочешь кофе, Обресков?” — спрашивает его император. “Я потерял вкус, Ваше Величество”, — отвечает Обресков. — “Возвращаю тебе его”, — говорит Павел, и Обресков, благодаря присутствию духа, опять вошел в милость» [Щеглов 1903, 214].

Он ценит меткое слово и способен посмеяться вместе со своими подданными: «Изгоняя роскошь и желая приучить подданных своих к умеренности, император Павел назначил число кушаньев по сословиям, а у служащих — по чинам. Майору определено было иметь за столом три кушанья. Яков Петрович Кульнев, впоследствии генерал и славный партизан, служил тогда майором в Сумском гусарском полку и не имел почти никакого состояния. Павел, увидя его где-то, спросил:

— Господин майор, сколько у вас за обедом подают кушаньев?

— Три, Ваше Императорское Величество.

— А позвольте узнать, господин майор, какие?

— Курица плашмя, курица ребром и курица боком, — отвечал Кульнев.

Император расхохотался» [Карабанов 1874, вып. 10, 170].

В этой группе текстов приписывается Павлу склонность к муштре и строгому соблюдению устава рассматривается как правильное поведение военного, а вовсе не самодурство правителя. Доказательством правильности подобного поведения является рассказ Н. С. Голицина об учениях в Павловске, где один из отрядов должен был взять крепость Мариенталь, а другой — защитить крепость. Коменданту крепости был дан приказ не сдавать ее до двенадцати часов, «даже если бы сам Павел приказал»: «...в этот день с утра, как на беду, пошел и не переставал идти дождь. Атакующий отряд, при котором находился Павел I, производит атаку, комендант защищается, дождь льет как из ведра, войска промокли, промок и Павел I, и посылает коменданту приказание спустить флаг и подъемный мост и отворить ворота. Но комендант, ссылаясь на приказание самого государя, отданное накануне, не сдается и только с последним ударом крепостных боевых часов в назначенный для сдачи час спускает флаг и подъемный мост, отворяет ворота и выходит на встречу государя. Павел I, тут же на мосту, объявляет, что за точное исполнение комендантом первоначального приказа, отданного накануне, производит в генерал-лейтенанты» [Голицин 1880, 740]. Правда, за неисполнение второго приказа коменданта посадили верхом на шлагбаум крепостного моста, подняли его и продержали целый час под дождем.

П. А. Вяземский в качестве примера того, что Павел не только предписывал другим соблюдать введенные им правила, но и сам им следовал, привел рассказ о паже А. Д. Копьеве, который, поспорив с товарищами, дернул императора за косу. Когда Павел Петрович, вскрикнув от боли, спросил о причинах данного поступка, юноша ответил: «“Коса Вашего Величества криво лежала, я позволил себе выпрямить ее”. — “Хорошо сделал, — сказал государь, — но всё же мог бы ты сделать это осторожнее”. Тем всё и кончилось» [Вяземский 1883, 156].

В текстах данной группы следование некой норме становится сюжетообразующим элементом. Император выступает как сторонник правильного поведения. Так, согласно одному из текстов, Павел во время прогулки увидел пьяного офицера и велел тому следовать за ним. Поскольку поведение офицера в данном случае было «неправильным», наказание должно было быть неотвратимым, но в этот момент молодой человек увидел на улице нищего: «... офицер вдруг закричал государеву кучеру:

— Остановись!

Павел с удивлением оглянулся назад. Кучер остановил лошадь. Офицер встал с запяток, подошел к нищему, полез в свой карман и, вынув какую-то монету, подал милостыню. Потом он возвратился и встал опять на запятки за государем».

Павлу подобное поведение понравилось, и он решил наградить военного производством в следующий чин. Между царем и офицером произошел следующий диалог:

«— Господин офицер, — спросил он, — какой ваш чин?

— Штабс-капитан, государь.

— Неправда, сударь, капитан.

— Капитан, Ваше Величество, — отвечает офицер. Поворотив на другую улицу, император опять спрашивает:

— Господин офицер, какой ваш чин?

— Капитан, Ваше Величество.

— А нет, неправда, майор.

— Майор, Ваше Величество.

На возвратном пути Павел опять спрашивает:

— Господин офицер, какой у вас чин?

— Майор, государь, — было ответом.

— А вот неправда, сударь, подполковник.

— Подполковник, Ваше Величество».

Когда же царь и офицер подъехали ко дворцу, то находчивый офицер предложил государю проехать еще несколько улиц, однако император, рассмеявшись, сказал: «...вы хотите быть полковником? А вот нет же, больше не надуешь; довольно с вас и этого чина». Рассказчик добавляет, что офицер так и остался подполковником, поскольку «у Павла не было шутки и всё, сказанное им, исполнялось в точности» [Карабанов 1874, вып. 12].

Император не только любил сообразительных подданных, но и признавал за ними право определенным образом вмешиваться в его решения, если, с его точки зрения, они служили на благо государства. Так, в нескольких вариантах известен рассказ о находчивости Ю. А. Нелединского-Мелецкого, статс-секретаря императора. И. В. Тутолмин рассказывает о том, что однажды Павел захотел наградить одного усердного чиновника и поинтересовался у своего помощника, чем награждают в подобных случаях. Возможно, было два типа вознаграждений: «большая награда и обыкновенная». Император предложил бросить жребий. Когда статс-секретарь писал на бумаге тип награды, император заметил, что и в том и в другом случае написана лучшая награда: «Он погрозил ему пальцем и милостиво сказал:

— Юрий, Юрий, обманываешь!

Потом вынул записку и, прочитав, обнял Нелединского и промолвил:

— Спасибо тебе, всегда так меня обманывай» [Карабанов 1874, вып. 9].

К. А. Булгаков в 1842 г. рассказывает эту историю своему другу Д. А. Оболенскому¹ несколько иначе. Во-первых, у награждаемого чиновника появляется имя — это рязанский гражданский губернатор Ковалинский. Во-вторых, награды различаются тем, что одна является орденом св. Анны 1-й степени, а другая — бриллиантовым перстнем. Таким образом, одна является статусной вещью, а другая — материальным поощрением. Нелединский на двух бумажках пишет одно и то же: «орден св. Анны», а государь тянет жребий. Вытащив одну бумажку и прочитав: «орден св. Анны 1-й степени!», Павел в тот же миг схватил другой билет и увидел, что на нем было написано также «орд. св. Анны 1-й степени». «Император погрозился Нелединскому пальцем и промолвил: “Юрий! так ты сплутывал?!”, потом, помолчав несколько и подумав, изволил прибавить: “Обманывай меня всегда так, разрешаю!” и поцеловал его в лоб» [Оболенский 2005, 213].

¹ Оба дворянина родились после смерти Павла I. Вероятно, Булгаков знал анекдот от своего отца, московского почт-директора А. Я. Булгакова.

Самому императору также приписывается способность шутить и метким словом ставить людей на место. Так, А. П. Хвостова приводит следующий случай: «Богатая купчиха московская поднесла императору Павлу подушку, шитую по канве с изображением овцы, и к ней приложила следующие стихи:

Верноподданных отцу
Подношу сию овцу.
Для тех ради причин,
Чтоб дал он мужу чин.
Государь отвечал:
Я верноподданных отец,
Но нету чина для овец»
[Хвостова 1907, 45].

Современники отмечали: император считал, что перед Богом все равны, и следил за соблюдением подданными этого правила. Е. Тыртов приводит рассказ о том, что одна чванливая знатная дама обратилась к императору с просьбой об отведении ей особого места для погребения, чтобы не лежать на одном кладбище с простолюдинами. Павел Петрович отказал ей, сделав на прощании приписку: «...так как люди по смерти, невзирая на породу и чины, бывают все равны, и более, когда она умрет, то тогда не будет уже знать, кто она такова и какого звания человек будет положен рядом с нею» [Тыртов 1807, 125].

Отмечали и свойственное Павлу благородство души и умение признавать свои ошибки. И если история про графа Хвостова, которого обошли при награждении, а после того, как Дмитрий Иванович сочинил оду на принятие императором титула Великого Магистра Мальтийского, государь при всех сказал: «Я виноват перед тобой» [Хвостов 1999, 210], может рассматриваться как доказательство того, что Павел был падок на лесть, то другие тексты служат безусловным подтверждением благородства и справедливости русского самодержца. Так, П. П. Лопухин вспоминал о том, что во время смены караула лошадь Д. Ф. Тутолмина обрызгала Павла «грязью с ног до головы». Гнев императора был страшен: «Мгновенно государь пришел в крайнее раздражение и начал кричать. Тутолмин тотчас повернул назад; подъехав к караулу, соскочил с лошади и стал на свое место. — Император

бросился к нему с поднятою тростью; увидав это, Тутолмин побежал между шеренгами; император за ним; погоня длилась некоторое время; наконец Тутолмин скрылся совсем. Император не кончил развода и возвратился во дворец. Страшно было взглянуть на него». Однако, осознав то, что офицер совершил данный проступок невольно и что избивание дворянина тростью нанесло бы ущерб «рыцарскому» имиджу, который культивировал император, Павел на следующий день подошел к Тутолмину, «положил руку на его плечо и ласково сказал ему при всех: — Благодарю тебя; ты вчера спас от беды и себя, и меня» (цит. по: [Шильдер 1996]).

Еще более показательно благородство Павла в истории с графом Ланжероном. Император приказал ему «принять инспекцию от сумасбродного старика Игельстрома», однако граф отказался, объясняя это так: «Игельстром мне благодетельствовал, и я не хочу, чтобы моим лицом человеку, составившемуся на службе его императорскому величеству, было сделано такое чувствительное огорчение». Павел в гневе удалился к себе, а окружающие стали предекать Ланжерону всяческие неприятности, но через некоторое время Павел вернулся в зал, «подошел к графу и, ударя его по плечу, сказал: “Ты, Ланжерон, молодец, и твой благородный поступок я запомню навсегда”». Рассказывающий эту историю Л. Н. Энгельгардт добавляет: «Я всегда за удовольствие поставил себе это рассказывать. Сколько приносит сие чести графу Ланжерону, столько, и еще более, императору Павлу I; оно показывает, что он умел иногда себя переработать и чувствовать благородство души. Если б он окружен был лучше, говорили бы ему правду и не льстили бы ему из подлой корысти, приводя его на гнев, он был бы добрый государь» [Энгельгардт 1997, 304—307].

Однако значительно большее число дворян относилось к Павлу «как к мертвому человеку» [Гено, Томич 1901, 86], который страшен своей непредсказуемостью и неуправляемостью. Именно поэтому «кроме реальных историй ему охотно приписывали десятки недействительных или сомнительных»

[Эдельман 1986, 121]. Именно образ тирана и самодура активно культивируется историческими анекдотами о Павле.

Прежде всего, дворянское общество раздражала приверженность Павла прусским порядкам, связанным с военной службой. Это нашло отражение в анонимных эпиграммах того времени:

Нет, Павлуша, не тягайся
Ты за Фридрихом Вторым:
Как ты хочешь умудряйся —
Дон Кишот ты перед ним
[Сивков 1918, 172];

Не венценосец он в Петровом славном граде,

А варвар и капрал на вахт-параде
[Гуковский, Орлов 1933, 54].

Необходимо отметить, что уже в воспоминаниях современников самые разные по времени приказы Павла I осознаются как некий единый, одномоментно принятый документ. Так, Н. А. Саблуков, рассказывая о дне восшествия императора на престол, сообщает: «Едва мы дошли до дворцовой площади, так уже нам сообщено было множество новых распоряжений <...> усердная столичная полиция успела уже обнародовать все эти правила» [Саблуков 1907, 21—22]. Безусловно, Павлом были приняты законы самого разного характера, в том числе и странные, например, запрещающие ношение круглых шляп, панталон, сапог с отворотами, фраков и жилетов и т. д. Но если обратиться к документам того времени, то все эти приказы были приняты в разные годы, а вовсе не в день коронации. Так, пресловутые круглые шляпы запретили носить в 1797 г., фраки — в 1798, а «иметь тупей, на лоб опущенный» — в 1799 [Указы 1799].

Самодурство Павла стало считаться отличительной чертой императора, и рассказы о его бессмысленных поступках активно бытовали в дворянской среде, не только приближенной ко двору. Они встречаются в мемуарах и письмах того времени. Часто участниками одной и той же истории становятся разные люди. Так, фразу «В России нет важных лиц, кроме того, с которым я говорю, и пока я с ним говорю» в одних случаях Павел произносит

шведскому послу Стедингу, а в других — генералу Дюморье (ср. [Stedingk 1844, 10—11; Муравьев-Апостол 1922, 20]).

Бессмысленные действия императора стали не только сюжетами анекдотов, но и легли в основу литературных произведений. Наиболее известным является рассказ Ю. Тынянова «Подпоручик Кижь» [Тынянов 2007]. Источником рассказа послужил анекдот, записанный В. И. Далем от своего отца: «В одном из ежедневных приказов по военному производству, писарь — вспомните тогдашнее время — писарь расчеркнулся так, что когда писал: “прапорщики-жь такие-то в подпоручики”, — то перенес на другую строку небывалое словцо Кижь, начав его еще с прописной, размашистой буквы. Пробегая наскоро приказ этот, император принял словцо это, с прописною буквою, за коим следовали прозвания, также за прозвание одного из производимых и написал тут же: “подпоручик Кижь в поручики”. На другой день подпоручик Кижь произведен был в штабс-капитаны, а на третий, подписывая приказ, государь написал против него: “В капитаны”. И это сделано. Никто не успел оглянуться, ни опомниться, как Кижь произведен был в полковники с отметкой: “Вызвать сейчас ко мне”. Тогда только бросились по приказам, где этот Кижь? Он оказался в каком-то Азовском или Апшеронском полку, где-то на Дону, и фельдъегерь, очертя голову, поскакал за ним. Можно вообразить изумление полкового командира, до которого еще не успел дойти обычным порядком первый приказ о производстве прапорщика Кижя, как привезен был уже с фельдъегерем последний о производстве его в полковники, и когда, сверх сего, полковой командир не мог понять, о чем и о ком идет речь, потому что в полку его никогда никакого Кижя не было. “Есть же на свете Чиж, — подумал полковник. — Почему бы не быть и Кижю, но только не в этом полку”. — Фельдъегерь подавно ничего не мог тут объяснить и поскакал, едва перекусив, обратно. — Донесение полковника, что в его полку Кижя нет и не бывало, всполошило все высшее военное начальство и

канцелярии их. Бросились следить по приказам, и наконец бедственный первый приказ о производстве Кижя в подпоручики разъяснил дело. Между тем государь уже спрашивал, не прибыл ли полковник Кижь — вероятно, желая с нетерпением поздравить его генералом. Решились доложить государю, что Кижь умер. — Жаль, — сказал император, — был хороший офицер» [Даль 1870, 295—296]. Анекдот известен и в несколько другом варианте [Гено, Томич 1901, 174—175].

Заметим, что и мотив крика под окном императора также взят Тыняновым из анекдота, записанного В. И. Далем. Молодой человек решил повеселить фрейлин и начал корчить им рожи через стекло. Девушки, боясь рассмеяться и разбудить своим смехом Павла, жёсткими призывали пажа удалиться, но «паж или камер-паж, видно, не расположен был кончить этим шалость свою, и внезапно, во всё безумное горло свое пустил сигнал “Слу-ша-ай!”. Соскочив с подстенка, он тихо и быстро побежал далее, выбрался с площади на улицу, и был таков» [Тынянов 2007, 38]. Император грозно поинтересовался, кто осмелился кричать под его окнами. Никто не мог ответить на этот вопрос, и все опасались гнева Павла. Далее сюжет развивается иначе, чем у Тынянова. Вместо того чтобы назначить виновным несуществующего персонажа, комендант обратился к караулу с просьбой взять проступок на себя. Признание мнимой вины становится добровольным выбором человека.

Признать себя виновным соглашается один из гвардейцев. «Чуть не на руках внесли его в государеву приемную и наперед уже, бегом, успели объявить императору, что нашли виноватого, нашли! Услыхав слово это, государь спокойно сел опять в свои кресла и велел позвать его. Солдат вошел под весьма почетным конвоем и стал перед государем, который, поглядев на него молча долго и пристально, спросил:

— Ты кричал “слушай”?

— Я кричал, Ваше императорское величество!».

В анекдоте концовка диаметрально противоположна тыняновской. Вместо порки и отправки в Сибирь император

награждает гвардейца: «Какой у него славный голос! в унтер-офицеры его, и сто рублей за потеху» [Даль 1870, 296—297].

Вторая сюжетная линия, о поручике Синюхаеве, связана с другим анекдотом, который известен по записям А. И. Герцена: «Какой-то гвардейский полковник в месячном рапорте показал умершим офицера, который отходил в больницу. Павел его исключил за смертью из списков. По несчастью, офицер не умер, а выздоровел. Полковник упросил его на год или на два уехать в свои деревни, надеясь сыскать случай поправить дело. Офицер согласился, но, на беду полковника, наследники, прочитавши в приказах о смерти родственника, ни за что не хотели его признавать живым <...>. Когда живой мертвец увидел, что ему приходится и в другой раз умирать, и не с приказы, а с голоду, тогда он поехал в Петербург и подал Павлу просьбу. Павел написал своей рукой на его просьбе: — Так как о господине офицере состоялся высочайший приказ, то в просьбе ему отказать» [Русский литературный анекдот 1990, 83]².

Тынянов практически полностью сохранил сюжеты анекдотов. Он использовал их для того, чтобы противопоставить две биографии: несуществующего человека, которого признали живым, и живого поручика, который умирает потому, что объявлен умершим. С помощью двух анекдотических сюжетов Тынянов создал некий стереотип о павловской эпохе как эпохе власти приказа, а не реального факта, эпохе, когда «общее чувство в обществе был страх» [Гено, Томич 1901, 86].

Исторические анекдоты эпохи Павла I использованы и другим автором. Так, С. А. Ауслендер в рассказе «Туфелька Нелидовой» делает исторический анекдот завязкой сюжета: «Когда с шумом распахнулась дверь, вздрогнул поручик, будто пробужденный от сна, и выронил шпагу из закостеневшей руки. Император, в полной

² Резолюция царя в другом варианте данного анекдота: «Исключенному поручику за смертью, просившему принять его в службу, потому что жив, а не умер, отказать по той же самой причине» [Гено, Томич 1901, 187].

парадной форме, с лицом, багровым от гнева, выбежал из двери. Вдгонку за ним, едва не коснувшись его головы, пролетела золоченая туфелька, звонко ударившись о паркет. Спокойно вышла фрейлина Нелидова, подобрала туфлю и, удалившись, закрыла дверь за собой» [Ауслендер 1990, 198]. Источник его известен по сборнику анекдотов Гено и Томича [Гено, Томич 1901, 203—204], воспоминаниям главного героя сюжета — Н. А. Саблукова [Саблуков 1907, 34], перевод которого с французского приведен в книге Н. К. Шильдера [Шильдер 1996, 337]. Но в отличие от рассказа в анекдотах ничего не говорится о гнев императора. Более того, Н. А. Саблуков утверждает, что император извинился перед ним за то, что он невольно стал участником этой некрасивой сцены. У Ауслендера же император является воплощением зла, которое должно разрушить счастье Несвитского. Таким образом, и в этом случае срabатывает стереотип о Павле как жестоком самодуре.

В рассказе Ауслендера есть еще одна сюжетная линия, связанная с именем Павла, — это различные мистические события, которые сопровождали жизнь и смерть царя. У С. А. Ауслендера мистика связана с образом масона Кюхнера, который заставил Павла отменить приказ о наказании Несвитского. Согласно же воспоминаниям современников император был необычайно склонен к мистицизму, но в то же время довольно часто пытался разоблачить различных лжепророков. Так, рассказывают, что мать офицера Шамардина имела магнетическую силу и предсказывала будущее. Однажды, отпуская сына в караул, она сказала ему: «с тобой случится необыкновенное происшествие: сегодня ты будешь солдатом и получишь крест». Во время дежурства Шамардина Павел заметил какой-то беспорядок и повелел разжаловать офицера в солдаты. «Она правду сказала, что сегодня будешь солдатом», — воскликнул молодой офицер и на вопрос императора, о ком он говорит, рассказал о предсказании матери. «"Она сказала неправду", — быстро перебил Павел, — "возвращаю Вам офицерский чин и жалую орденном св. Анны"» [Карабанов 1871, 587].

Удивление императора, когда ему передали полное содержание материнского пророчества, было очень сильным, но он не стал отменять приказа.

Перед вступлением Павла на престол ему приснился сон, «что его три раза поднимает кверху неведомая сила» [Архив князя Воронцова 1876, 159].

Однако более вариативны тексты легенд, связанные со строительством Михайловского замка и встречей с призраком Петра I. Эта история содержится в дневниках Г. Л. Оберкирх. Баронесса была подругой императрицы Марии Федоровны и во время путешествия цесаревича по Европе сопровождала молодых и записывала всё, что казалось ей интересным. И данный рассказ, по ее уверениям, она передает так, как «от слова до слова слышала от самого великого князя». История гласит, что ночью Павел и Куракин, гуляя по Петербургу, встретили «высокую худую фигуру, завернутую в плащ в род испанского, и в военной, надвинутой на глаза шляпе». Эту фигуру видел только Павел и только он с ней разговаривал, в то время как окружающие ничего не слышали. Призрак Петра жалел своего внука, постоянно повторяя: «Бедный Павел!». Когда же все дошли до Сенатской площади, фигура произнесла: «Прощай, Павел!.. Ты еще увидишь меня опять здесь и еще кое-где». В этот момент шляпа у загадочного спутника императора приподнялась сама собой и цесаревич увидел Петра Великого» [Оберкирх 1869].

Интересно то, что призраками молва сделала только двух царей дома Романовых: Петра I и Павла I. Петр Великий являлся в основном своему внуку и ближайшим царедворцам, хотя его голос слышали многие обитатели Михайловского замка. Считается, что Петр предупреждал внука о том, что «...дни его сочтены и конец их близок» [Синдаловский 1999, 108].

Павел Петрович, согласно слухам и городским легендам, появляется и в любимой им Гатчине, и в Михайловском замке. Слухи о явлении призрака Павла в Гатчине прекрасно описал А. И. Куприн в рассказе «Гатчинский призрак». Призрак Павла видят и в Михайловском замке. В мемуарной

литературе разбросано множество упоминаний о призраке, но развернутые сюжетные истории нам удалось обнаружить только на сайтах любителей и знатоков истории Санкт-Петербурга. Они не указывают источников информации, но вариативность текстов позволяет говорить об активном функционировании этих легенд в городской среде. Утверждают, что призрак императора «играет на флажолете». Считается, что душа императора не смогла покинуть места своей смерти, и поэтому сразу же после убийства Павла замок стал одним из самых известных в Петербурге «домов с привидениями». Фигуру Павла Петровича видели солдаты столичного гарнизона, которые перевозили военное имущество: «Однажды команда солдат столичного гарнизона, перевозящая военное имущество, застигнутая ливнем, была вынуждена заночевать в еще пустующем дворце. Старший — унтер-офицер — позволил подчиненным осмотреть бывшие царские покои. Буквально через полчаса один из солдат с перекошенным от страха лицом, лихорадочно крестясь, доложил о виденном им призраке со свечою в руке»³. Видели призрак и учащиеся Главного инженерного училища: «...кадеты Инженерного училища божились, что каждую ночь, ровно в 12 часов, в окнах 1-го этажа появляется призрак Павла I с горящей свечой в руках»⁴, и некий ефрейтор Лямин: «...разводящий ефрейтор, некто Лямин, произведя смену часовых, справил малую нужду прямо у входа. Повернув голову в сторону, он обратил внимание на падающее на газон светлое пятно, исходящее из окна третьего этажа. Ефрейтор отошел подальше и взгляделся в окно. Горела свеча. Причем она не стояла на подоконнике, а трепетала и парила в воздухе. Свечу держала незримая рука...»⁵.

Еще одна группа легенд связана со строительством Михайловского замка и смертью Павла. Современники утверждали: Павел был уверен, что «он находится под непосредственным покровительством архангела Михаила, во имя которого были построены как церковь, так и сам замок» [Гейкинг 1907, 245—

246]. Павел взошел на престол в канун Михайлова дня, и архистратиг небесного воинства стал небесным покровителем императора. Известно, что архангел Михаил — покровитель всех русских государей. Иван Калита построил Архангельский собор в Московском Кремле, а Иван Грозный писал, что св. Михаил «доныне всем благочестивым царям пособствует» [Грозный 1979, 36]. Но для Павла Петровича этот святой был особо почитаемым. Графиня В. Н. Головина вспоминает, что «часовой в Летнем дворце видел Михаила Архангела и даже имел с ним разговор» [Головина 1911, 201]. А. Т. Болотов так передает содержание данного разговора: «В самую глухую полночь является будто пред ним в темноте некакой сединами покрытый старец, вида важного и почтенного и <...> повелительным образом ему сказал, чтоб он неотменно сказал своему новому государю, чтоб он велел на самом том месте немедленно воздвигнуть храм <...>. Некоторые присовокупляли к сему, что будто старец сей к вышеписанным словам прибавил и следующие, отходя прочь: — Скажи же и примолвь и то, что я государя чрез тридцать лет опять увижу» [Болотов 1989, 255]. Об этом же пишет секретарь Н. И. Салтыкова Ш. Массон [Массон 1996, 114].

Информацию об этом донесли Павлу, и «как бы то ни было, <...> Летний дворец решено было сломать» [Головина 1911, 201] и «начали строить новую церковь и новый дворец» [Массон 1996, 114]. Священник Г. Дьяченко в книге «Из области таинственного» приводит более развернутую версию событий. В январе 1798 г. Павел принимал делегацию старообрядцев, и ему была подарена икона Михаила Архангела. Вечером он ждал, когда его жена родит десятого ребенка. Находясь в кабинете один, царь услышал шорох и, повернувшись, увидел старца, который сказал ему: «Супруга твоя ... подарит тебя сыном Михаилом. Этим же именем святого архангела ты наречешь дворец, который строишь на месте своего рождения. Помни слова мои: “Дому твоему подобает святыня Господня в долготу дней”. После этого таинственный гость исчез». Дальше

³ URL: <http://otvet.mail.ru/question/38274467>

⁴ URL: <http://люблю-питер.рф>

⁵ URL: <http://tajnij-piter.livejournal.com>

события развивались следующим образом. У царской четы родился сын, его окрестили Михаилом. К царю обратился офицер и сообщил, что солдат его полка видел старца в монашеской рясе, который велел напомнить «государю, чтобы новорожденный назван был Михаилом, а вновь строящийся дворец — Михайловским». Павел велел позвать часового, выслушал его рассказ о случившемся и произнес: «Знаю, знаю... это уже исполнено!». Затем был вызван архитектор Бренно, и ему было приказано на главном фронте замка сделать надпись [Дьяченко 1900, 37—38].

В этом рассказе появляется еще несколько мотивов, связанных со смертью Павла, хотя и не выступают явно. Первый — это место строительства замка. Как известно, он построен на месте Летнего дворца, в котором Павел родился. А. Коцебу пишет о том, что Павел в разговоре с фрейлиной А. С. Протасовой сказал: «На этом месте я родился, здесь хочу и умереть» [Коцебу 1908, 366], и именно это желание стало поводом для строительства Михайловского замка, в котором император и был убит заговорщиками. Второй мотив — надпись на фасаде замка: эту надпись Павел приказал сделать будто бы по повелению «таинственного старца»⁶. Считается, что надпись первоначально предназначалась для Исаакиевского собора — таким образом светское сооружение наделяется статусом сакрального здания. Интересно предсказание, связанное с этой надписью. Считается, что Ксения Петербургская пообещала императору столько лет жизни, сколько букв в этой надписи [Золотой осьмнадцатый 2006, 103]. В ней 47 букв — и император прожил 47 лет.

Вообще, смерть Павла Петровича окружена множеством легенд. Смерть предчувствуют окружающие, так, например, паж Павла К. К. Бошняк рассказывал своему сыну, что во время ужина перед своей смертью император был необычайно весел, «...чему-то много смеялся и беспрестанно перешептывался с сидевшим с ним рядом великим князем Александром Павловичем. Это необыкновенно веселое располо-

жение духа государя обратило на себя внимание даже мальчиков-пажей, и один из них — Зайцев, обратясь после ужина к отцу, сказал ему: “Заметил ли ты, Бошняк, как государь шептался с наследником? Точно он ему царство передавал!”» [Бошняк 1882, 213]. И сам император чувствует приближение смерти и повсюду видит ее знаки. Ланжерон со слов Кутузова рассказывал, как за полтора часа до гибели Павел видел свое отражение в зеркале со свернутой шеей: «После ужина он говорил со мною, и пока я отвечал ему несколько слов, он взглянул на себя в зеркало, имевшее недостаток и делавшее лица кривыми. Он посмеялся над этим и сказал мне: — Посмотрите, какое смешное зеркало; я вижу себя в нем с шеей на сторону» [Ланжерон 1907, 151]. Н. А. Саблуков вспоминает, что за несколько дней до смерти император сказал своему шталмейстеру С. И. Муханову: «Мне показалось, что я задыхаюсь и у меня не хватает воздуха, чтобы дышать. Я чувствовал, что умираю... Разве они хотят задушить меня?» Муханов предположил, что это состояние связано с оттепелью. «Император ничего не ответил, покачал головой, и лицо его сделалось очень задумчивым. Он не проронил ни единого слова до самого возвращения в замок» [Саблуков 1907, 72—73]. Г. М. Армфельдт вспоминал слова Павла о его сне — будто бы «ему на спину натягивали узкий парчовой кафтан, и с таким усилием, что он готов был вспрыгнуть от боли» [Армфельдт 1893, 698]. Эта же история пересказана в других источниках. Наконец, Ф. Н. Голицын, рассказывая о последнем ужине императора, писал: «В этот вечер он также вышел в другую комнату, но ни с кем не простился и сказал только: “Чему быть, тому не миновать“» [Голицын 1996, 278].

Как видно из приведенного материала, образ Павла активно использовался в фольклорных рассказах, функционирующих в дворянском обществе, и в городских легендах, в основном Санкт-Петербурга. Причина такого внимания к этой исторической фигуре вполне объяснима. Для дворянской среды Павел был «неправильным им-

⁶ Надпись была утрачена, а в настоящее время сделана реконструкция.

ператором»⁷, разрушившим мир, созданный Екатериной. Его стремления к переустройству России не находили отклика у большинства дворян, а его вспыльчивость давала повод рассказать о нем забавный случай. Что же касается легенд, связанных с именем Павла, то он действительно, судя по воспоминаниям современников, имел склонность к мистической экзальтации, что привело его и к собраниям масонских лож, и к покровительству Мальтийскому ордену, и созданию образа истинного рыцаря, покровительствующего прекрасной даме. При этом о своих видениях он в большинстве случаев не стеснялся рассказывать. Более того, он руководствовался (или декларировал, что руководствуется) «подсказками» иномирных сил, что, безусловно, способствовало появлению многочисленных «таинственных историй», связанных с его именем.

Интересно и то, что Павел становится героем самозванческой легенды Пугачева, который, выдавая себя за Петра III, взывал к своему сыну, то есть к Павлу. Более того, в воспоминаниях Л. Л. Беннигсена есть упоминания о том, что Павел, опасаясь гнева Екатерины, собирался бежать к Пугачеву, рассчитывая на «добрый прием и преданность этих казаков» [Беннигсен 1907, 116]. И о том, что Павел собирался бежать на Урал и выдать себя за Петра III, а Павла Петровича объявить умершим. Популярность Павла в народной среде, связанная с образом «царевича, отстраненного от престола» привела к чрезвычайно редкому явлению: при жизни он становится героем самозванческих легенд, в которых Павлом Петровичем в 1782 г. объявляет себя сначала беглый казак Н. Шляпников, а потом в 1784 г. сын пономаря Г. Зайцев. Казалось бы, подобный интерес к фигуре Павла дол-

⁷ Именно этой «неправильностью» можно объяснить то, что Павел не нашел успокоения и стал призраком. Заметим, что и Петр I — тоже «неправильный» и даже «подменный» царь, он тоже является в виде призрака. О Павле ходили слухи, что он также не сын Петра III, а сын фаворита Екатерины Салтыкова, и что он даже не ребенок Екатерины II, а подменщик, положенный в колыбель вместо умершего наследника.

жен был породить многочисленные фольклорные сюжеты в народной среде. Однако крестьянская культура относительно быстро забыла «бедного Павла», и сюжеты о нем стали достоянием преимущественно петербургского локального текста и городского фольклора Санкт-Петербурга и окрестностей.

Литература

Армфельдт 1893 — *Армфельдт Г.-М.* Встреча с Суворовым в 1799 году. Из записок барона (впоследствии графа) Густава-Маврикия Армфельдта / сообщ. и перевёл Г. Ф. Сьоннеберг // *Русская старина*, 1893. Т. 77. № 3. С. 696—700.

Архив князя Воронцова — Архив князя Воронцова. Кн. 8. Ч. 1. М., 1876.

Ауслендер 1990 — *Ауслендер С. А.* Туфелька Нелидовой // *Русская новелла начала XX в. М.*, 1990. С. 182—210.

Беннигсен 1907 — Из записок графа Беннигсена // *Цареубийство 11 марта 1801 года*. СПб., 1907. С. 107—128.

Болотов 1989 — *Болотов А. Т.* Памятник протекших времен, или Краткие исторические записки о бывших происшествиях и носившихся в народе слухах 1796 // *Записки очевидца. Воспоминания. Дневники. Письма*. М., 1989.

Бошняк 1882 — *Бошняк А. К.* Рассказы старого пажа о времени Павла I, записанные сыном пажа // *Русская старина*. 1882. Т. 33. Вып. 1. С. 212—216.

Вяземский 1883 — *Вяземский П. А.* Старая записная книжка // *Полн. собр. соч.* СПб., 1883. Т. VIII.

Гейкинг 1907 — Записки барона Гейкинга // *Цареубийство 11 марта 1801 года*. СПб., 1907. С. 211—267.

Гено, Томич 1901 — *Александр Гено и Томич*. Павел I. Собрание анекдотов, отзывов, характеристик, указов и пр. СПб., 1901.

Голицин 1880 — *Голицын Н. С.* Рассказы об императорах Павле I и Александре I [А. А. Башилова, Д. И. Цицианова, А. П. Башуцкого, Ренне, П. А. Тучкова] // *Русская старина*. 1880. Т. 29. № 11. С. 738—744.

Голицин 1996 — *Голицын Ф. Н.* Записки // *Золотой век Екатерины Великой: Воспоминания*. М., 1996. С. 270—301.

Головина 1911 — Мемуары графини Головиной, урожденной графини Голицыной. М., 1911.

Грозный 1979 — Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979.

Гуковский, Орлов 1933 — *Гуковский Г. А., Орлов В. Н.* Подпольная поэзия 1770—1800-х годов // *Литературное наследство*. М.; Л., 1933. Т. 9—10.

- Даль 1870 — *Даль В. И.* Рассказы В. И. Даля о временах Павла I // Русская старина. 1870. Т. 2. № 9. С. 295—298.
- Дьяченко 1900 — *Дьяченко Г.* Из области таинственного. Простая речь о бытиях и свойствах души человеческой как богоподобной духовной сущности. М., 1900.
- Золотой осмнадцатый 2006 — Золотой осмнадцатый... Русское искусство XVIII в. в современном отечественном искусствознании. СПб., 2006.
- Иванова 2012 — *Иванова Н. Н.* Типология фольклорных текстов об императоре Александре I и Наполеоне Бонапарте // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 3. Т. 1 (Гуманитарные науки). С. 198—201.
- Карабанов 1871 — *Карабанов П. Ф.* Исторические рассказы и анекдоты, записанные со слов именитых людей П. Ф. Карабановым // Русская старина. 1871. Т. 4. С. 583—587.
- Карабанов 1874 — *Карабанов П. Ф.* Исторические рассказы и анекдоты, записанные со слов именитых людей П. Ф. Карабановым // Русская старина. 1874. Т. 11. Вып. 9. С. 153—177. Вып. 10. С. 169—178. Вып. 12. С. 577—578.
- Коцебу 1908 — Записки Августа Коцебу // Царевубийство 11 марта 1801 года. СПб., 1907. С. 267—375.
- Ланжерон 1907 — Из записок графа Ланжерона // Царевубийство 11 марта 1801 года. СПб., 1907. С. 129—154.
- Массон 1996 — *Массон Ш.* Секретные записки о России, и в частности, о конце царствования Екатерины II и правлении Павла. М., 1996.
- Мельниченко 2006 — *Мельниченко М. А.* Образ В. И. Ленина в советском политическом анекдоте // Источниковедческие исследования. М., 2006. Вып. 3. С. 188—216.
- Муравьев-Апостол 1922 — *Муравьев-Апостол М. И.* Воспоминания и письма. Пг., 1922.
- Оберкирх 1869 — *Оберкирх Г. Л.* Рассказ великого князя Павла Петровича о видении ему Петра I-го // Русский архив. 1869. Вып. 3. Стб. 517—526.
- Оболенский 2005 — *Оболенский Д. А.* Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб., 2005.
- Плясковский 1930 — *Плясковский А. В.* Ленин в русской сказке и восточной легенде. М., 1930.
- Путилов 1970 — *Путилов Б. Н.* О структуре сюжетообразования в былинах и юнацких песнях // Македонски фолклор, година III, број. 5—6. Скопје, 1970. С. 9—24.
- Русский литературный анекдот 1990 — Русский литературный анекдот XVIII — начала XIX вв. / сост. Е. Курганов, Н. Охотин. М., 1990.
- Саблуков 1907 — Записки Н. А. Саблукова // Царевубийство 11 марта 1801 года. СПб., 1907. С. 11—106.
- Сивков 1918 — *Сивков К. В.* Автобиография крепостного интеллигента конца XVIII в. // Голос минувшего. 1918. № 4—6. С. 165—172.
- Синдаловский 1999 — *Синдаловский Н. А.* Петербург в фольклоре. СПб., 1999.
- Судогда 1999 — Фольклор Судогодского края. М., 1999.
- Тарабукина 2000 — *Тарабукина А. В.* Фольклор и культура прицерковного круга. Дисс. ... к. фил. н. СПб., 2000.
- Тынянов 2007 — *Тынянов Ю. Н.* Подпоручик Кижэ. М., 2007.
- Тыртов 1807 — Анекдоты о императоре Павле Первом, самодержце Всероссийском. Собранные из разных иностранных и российских писателей и изданные Е. Тыртовым. М., 1807.
- Указы 1799 — Указы государя императора Павла Первого, самодержца всероссийского: [с 1 января по 16 декабря 1798 г.]. М., 1799.
- Хвостов 1999 — Граф Дмитрий Иванович Хвостов. Сочинения. М., 1999.
- Хвостова 1907 — Мои бредни. Записки А. П. Хвостовой // Русский Архив, 1907. № 1. С. 5—48.
- Шильдер 1996 — *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый. Историко-биографический очерк. СПб., 1996.
- Шумигорский 1907 — *Шумигорский Е. С.* Император Павел I. СПб., 1907.
- Щеглов 1903 — *Щеглов В. В.* Письма императрицы Марии Федоровны к великим князьям Николаю и Михаилу Павловичам // Русская старина. 1903. Вып. 7. С. 213—228.
- Эдельман 1986 — *Эдельман Н. Я.* Грань веков. Политическая борьба в России. Конек XVIII — начало XIX столетия. М., 1986.
- Энгельгардт 1997 — *Энгельгардт Л. Н.* Записки. М., 1997.
- Stedingk 1844 — *Mémoires posthumes de Feldmaréchal comte de Stedingk.* London, 1844.

Summary. *The article is dedicated to the image of the Emperor Paul I in historical jokes and urban legends. From memoirs, diaries and epistolary sources it is clear that in the minds of his contemporaries Paul was and ambivalent figure, endowed with both positive and negative features. Prevailing opinion presents the emperor as a man of cruel, extravagant and selfish nature. It was the basis for a stereotype of Paul which is widely reflected in the Russian literature. The article attempts to trace the causes of the dominance of this stereotype.*

Key words: *folklore, historical jokes, urban legends.*